

© 2005 г.

СБ. ФИЛАТОВ, Р.Н. ЛУНКИН

СТАТИСТИКА РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ: МАГИЯ ЦИФР И НЕОДНОЗНАЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ФИЛАТОВ Сергей Борисович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, руководитель проекта "Энциклопедия современной религиозной жизни России". ЛУНКИН Роман Николаевич - аспирант Института философии РАН, сотрудник того же проекта.

В современной России религиозные организации начинают играть существенную общественную роль, превращаясь в политический фактор. Корректность оценок религиозной ситуации приобретает в этой связи особую важность. В общественном мнении существует фетиш цифры при определении значимости каждой религии. Часто приводятся цифры - сколько в стране православных, мусульман или католиков, но редко возникает вопрос, что стоит за этими показателями. Оценка численности представителей религии или конфессии, в отличие от оценки числа сторонников политических партий, профсоюзов или общественных движений, гораздо менее однозначна.

Теоретически можно сконструировать много критериев принадлежности к определенной религиозной группе. Из всех существующих подходов наибольшие цифры численности религиозных общин дает распространенный, особенно среди религиозных деятелей, так называемый **этнический принцип**. **Православие**, например, объявляется этнической религией русских, украинцев, белорусов, чувашей, мордвы, карел, коми, осетин, части удмуртов и марийцев и т.д. На основе такого метода подсчета, согласно данным Всероссийской переписи 2002 г., получается около 120 млн. православных (русских - почти 116 млн., украинцев - 3 млн., чувашей - более 1,5 млн., мордвы - около 900 тыс., белорусов - 800 тыс. человек и т.д.) [1].

Подобный принцип исчисления религиозной принадлежности среди христиан используют не только православные. По заявлению митрополита Т. Кондрусевича, общее число **католиков** в России составляет примерно 500 тыс. человек [2], по другой его оценке - 600 тыс. [3]. Эти цифры могли появиться только на основании этнического принципа подсчета. К "этническим католикам" относятся, по данным переписи 2002 г.: испанцы (1547 чел.), итальянцы (862), кубинцы (707), литовцы (45 569), поляки (73 001), словаки (568), французы (819). Считается, что 25-30% российских немцев (всего их 597 212 человек) - католики. В России проживает неопределенное число белорусов- и украинцев-католиков по семейной традиции. Вероятно, действительно, около 500-600 тыс. католиков.

Похожая ситуация складывается и в отношении **лютеран**. Евангелическо-лютере-ранская Церковь Ингрии представляет в России финскую лютеранскую традицию и опирается на финское и эстонское население. Титульных лютеран финской тради-

ции в России - 63 тыс. человек, из которых финнов - 34 тыс., эстонцев - 28 тыс. Немецкая Лютеранская Церковь объединяет около 400 тыс. человек, т.е. 70-75% немцев России.

Армян в России по результатам последней переписи 1130 тыс. Если исходить из этнического принципа исчисления религиозности, всех их следует отнести к **Армянской апостольской церкви**.

Мусульманские лидеры идут при подсчетах своих последователей еще дальше. Чаще всего численность **мусульман** в России оценивается ими в 20 млн. человек. Это - аварцы, адыгейцы, азербайджанцы, балкарцы, башкиры, даргинцы, ингуши, кабардинцы, казахи, карачаевцы, кумыки, лакцы, лезгины, табасараны, таджики, татары, турки, туркмены, узбеки, черкесы, чеченцы. Их общая численность составляла в 2002 г., правда, около 14 млн. человек.

Этническим принципам в определении количества верующих, естественно, следуют лидеры **иудаизма**. По данным последней переписи населения, евреев в России - 233 439 человек.

К "этническим **буддистам**" относятся: буряты - 445 тыс., калмыки - 174 тыс. и тувинцы - 243 тыс. Всего - не более 900 тыс. человек.

Итак, исходя из этнического принципа исчисления религиозной принадлежности, сейчас в России: 120 млн. православных, 600 тыс. католиков, более миллиона верующих Армянской апостольской Церкви, 14 млн. мусульман, 230 тыс. иудаистов и 900 тыс. буддистов. Однако среди зачисленных в эти религии оказываются и атеисты, и люди безразличные к религии, и не идентифицирующие себя с конкретными религиозными течениями, и исповедующие совсем другую веру, а не ту, которую им приписали идеологи этнической религиозности. Данные, полученные при таком подсчете, свидетельствуют скорее о масштабах претензий со стороны религиозных деятелей, политиков и национальных лидеров, исповедующих принцип "один народ - одна вера".

Более содержателен критерий религиозной самоидентификации: назовем его **культурной религиозностью**. Человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя возможно и не разделяет ее вероучения, не участвует в обрядах и не входит в религиозную общину. Сам факт утверждения принадлежности к определенному религиозному течению важен для мировоззрения, нравственной, культурной и политической ориентации гражданина. Соответствующая религия имеет для человека, называющего себя православным, мусульманином или лютеранином, особую, по сравнению с другими религиями, ценность.

Задача данной статьи заключается в попытке разобраться в том, сколько в России верующих и просто сторонников разных конфессий, не вторгаясь в сферу изучения особенностей общественного мнения конфессиональных групп. Как это делает, например, М.П. Мчедлов. Его исследования свидетельствуют, что люди, объявляющие себя православными, являются большими государственниками, острее ощущают свою российскую национальную принадлежность, больше ностальгируют по великой державе. А те, кто называют себя мусульманами, более склонны к патриархальным отношениям в семье [4].

Православными в последние годы объявляют себя, по результатам различных опросов, 55 [4] - 59% [5, с. 38] граждан России или до 82% русских людей [6, с. 16]. Это - 70-85 млн. человек. Разницу в полученных опросных данных предопределяет характер вопроса. Существует, например, категория людей, которые точно знают, что они православные, но совсем не уверены, что верующие. Контекст вопросника может заставить неверующего (или "сомневающегося", безразличного к вере) назвать или не назвать себя православным (мусульманином, католиком, лютеранином, буддистом, иудаистом).

Среди христианских вероисповеданий наибольшая отрицательная разница между так называемыми этнической и культурной религиозностью наблюдается у **Армянской апостольской церкви**: ни в одном из известных опросов статистически значимо-

го числа людей, причисляющих себя к этой церкви, выявлено не было. Социологи оперируют весьма относительными цифрами. Так, О. Казьмина полагает, что общая численность приверженцев Армянской апостольской церкви составляет 450 тыс. человек [7].

Протестанты и католики в различных опросах получают примерно по 1%. Протестанты обычно больше, **католики** - меньше. 0,5-1% населения, называющих себя католиками, - это около 1 млн., т.е. католиков культурной идентификации оказывается больше, чем католиков этнических. Очевидно, что есть люди, которые при переписи населения называют себя русскими, но в то же время - католиками (имея, скажем, одного деда или бабушку католиков или вовсе не имея католических корней). В российском обществе существует хотя и небольшой, но статистически значимый слой людей, связывающих себя с западной христианской и именно католической традицией - не только поляков, немцев и литовцев.

Около 1,5 млн. **протестантов** включают только одну этническую конфессию - лютеранство, не самую многочисленную протестантскую конфессию. Численность же **лютеран** слишком мала, и всероссийские опросы вполне естественно не обнаруживают их. По нашему мнению, основанному на многочисленных интервью с российскими лютеранскими священнослужителями, в число лютеран культурной идентификации входит до 40-60% этнических немцев-лютеран (т.е. до 200 тыс.), значительное большинство финнов и заметное - от 50 до 100 тыс. принявших лютеранство русских и представителей других национальностей. Итого около 300 тыс. человек. Все остальные российские протестантские конфессии не связаны с какой-либо этнической группой, не являются "культурообразующими". С точки зрения этнического критерия религиозной принадлежности они вообще не существуют. Число протестантов (помимо лютеран), исчисленных на основе их самоидентификации, не может сильно отличаться от числа практикующих протестантскую веру. Идентифицировать себя с определенной религией, не являясь верующим ее представителем, могут представители тех религиозных течений, которые лежат в основе формирования культурно-исторической традиции страны или народа. Российские баптисты, адвентисты, пятидесятники или методисты, проживающие в России не более 120 лет, не относятся к ее "культурообразующим" конфессиям. Соответственно и число людей, считающих себя приверженцами этих конфессий, но не являющихся верующими членами соответствующих церквей, не может быть значительным.

Необходимо упомянуть еще одну христианскую конфессию, драматический упадок которой за последние 85 лет представляет собой удивительный феномен - **старообрядчество**. По предреволюционным данным, старообрядцы составляли в России 10% населения [8]. Опросы последних лет говорят о менее чем 1% населения страны, которое идентифицирует себя со старообрядчеством (староверием). Представлявшее до 1917 г. мощную, не только религиозную, но и культурную, политическую и экономическую силу, оно сократилось до маргинального, малозаметного слоя населения, даже включая потомков староверов, ощущающих культурную и духовную связь с верой предков.

Второй по численности и влиянию религией в России после христианства является **ислам**. В соответствии с данными различных опросов, число людей, называющих себя мусульманами, колеблется от 4% [9] до 6% [10], т.е. от 6 до 9 млн. человек. Американский журнал "Тайм" в 1997 г. утверждал, что мусульмане составляют 5,5% [11] всего населения, или 8,14 млн. человек. Некоторые выборочные данные позволяют утверждать, что мусульманская самоидентификация у традиционно мусульманских народов очень различна. Согласно одному из общероссийских опросов городского населения 1991 г., мусульманами себя считают 67% татар и 48% башкир - горожан [12]. По данным социологического исследования, проведенного К. Каарияйненом и Д. Фурманом, мусульманами являются 89% татар в Татарии [13].

Среди кабардинцев, черкесов и адыгов сильно влияние местных верований и народных традиций, выполняющих роль своего рода "парарелигии". В первую очередь, это адыгский кодекс морали и чести "адыгэ-хабзэ". Он имеет, в основном, языческое происхождение и во многих случаях считается важнее мусульманских обычаев и шариата. Важное место занимают традиции почитания старших ("власть старшего равна власти Бога"), культ предков, воинская доблесть ("из адыгского воина так же трудно сделать муллу, как из турецкого муллы - воина"), почитание гостя, культ семьи, а также обряды, связанные с пищей ("пища важнее Корана"). В селах древние народные обычаи сохранялись на протяжении всех лет советской власти и заметно усилились в последние годы. Единственным обрядом, в котором сильна мусульманская традиция, остаются похороны (хотя и этот обряд дополнен домусульманскими обычаями).

Доисламские верования продолжают оказывать влияние на образ жизни кабардинцев, черкесов и адыгов. Для них характерно одновременное почитание языческих, христианских и мусульманских божеств (джиннов). По данным социологического опроса 1999-2000 гг. лишь 35% адыгов "считают себя приверженцами ислама" [14, с. 151]. Только народы Дагестана, чеченцы и ингуши демонстрируют почти всеобщую приверженность исламу, по крайней мере, на уровне "культурной" религиозности. В 1998 г. 83,3% студентов нескольких дагестанских вузов Махачкалы отнесли себя к верующим, исповедующим ислам [15, с. 41—43].

О высоком уровне осознания своей культурно-исторической связи с исламом говорят и выводы одного из ведущих российских исламоведов А. Малашенко. По его словам, "влияние ислама на формирование идентичности кавказцев в 1990-е годы возросло. В наибольшей степени это характерно для чеченцев, ингушей, этносов Дагестана, а также карачаевцев и балкарцев. В Дагестане число тех, кто считает себя верующим, в постсоветский период колебалось в пределах от 81% до 95%. По оценкам 1995 г. показатель религиозности среди чеченцев составил 97%, среди ингушей - 95%". Особый акцент автор делает на исключительной религиозности чеченского народа: "чеченец - это в первую очередь чеченец-мусульманин, ибо чеченская идентичность сегодня немыслима вне контекста исламской традиции" [16].

Исходя из иудаистского вероучения, все 233,4 тыс. российских евреев должны считаться **иудаистами**. Однако социологические опросы показывают, что до 25% их относят себя к числу христиан различных конфессий. Среди евреев больше всего атеистов, не связывающих себя ни с какой религиозной традицией, - 23%, сравнительно много даже буддистов - до 2%. Иудаистами назвали себя только 8% евреев [12, с. 147]. Это - около 20 тыс. человек. Опросы последнего времени также подтверждают, что большинство евреев не считают себя иудаистами. По мнению социолога О. Казьминой, "численность их определить нелегко... Значительная часть российских евреев не религиозна, хотя в последние годы уровень религиозности российских евреев заметно возрос" [7]. Оценить общее число так называемых культурных иудаистов очень сложно. Но в любом случае это не более 50 тыс. человек.

Всероссийские опросы демонстрируют число **буддистов** около 1% населения страны. Определить, кто относится к так называемым культурным буддистам, особенно трудно из-за отсутствия опросов о религиозной принадлежности бурят, калмыков и тувинцев. Данные социологических исследований в одной из традиционных буддистских республик - Калмыкии - говорят о том, что верующими и принадлежащими к какой-либо религии называют себя 60% коренного населения (около 100 тыс. чел.) [17]. Верующие калмыки - это не только буддисты, но и православные, протестанты, сторонники восточных учений и т.д.

Среди бурят и тувинцев много шаманистов, некоторые из которых одновременно считают себя буддистами, другие - нет. Кроме того, среди трех традиционно буддистских народов заметное число составляют христиане различных конфессий, но конкретные социологические данные в обоих случаях отсутствуют. С другой сторо-

ны, среди русских и представителей других народов, исторически не связанных с буддистской традицией, существует группа людей, считающих себя буддистами, - около 1% опрошенных в крупнейших городах (Москве, Санкт-Петербурге, Самаре и др.). По мнению экспертов, в России примерно 900 тыс. этнических буддистов [7, 18]. Учитывая распространенность христианства и шаманизма среди бурят и тувинцев, буддистов культурных среди коренного населения в Бурятии и Туве должно быть не меньше, чем просто верующих в Калмыкии (60%), т.е. в целом около 550 тысяч.

Среди новых религиозных движений (НРД) существуют дисциплинированные организации, имеющие жесткое членство. Самая крупная из них - "Свидетели Иеговы", насчитывавшая в 1998 г. 255 тыс. человек [19]. Общество Сознания Кришны (вайшнавизм) и Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоны) объединяют до 10 тысяч. Еще около двадцати НРД включают от 1 до 4 тыс. человек [20]. Существует несколько десятков региональных жестко организованных НРД, насчитывающих обычно не более 100 человек, т.е. всего не более 300 тыс. Однако организованные, авторитарно управляемые НРД - исключение среди новых религиозных течений.

Широко распространены разного рода оккультные, языческие, псевдохристианские верования. Но они эклектичны, изменчивы и слабы, сводятся к чтению оккультной литературы и, в крайнем случае, членству в организациях, которые можно назвать семинарами или клубами, даже не сектами или культами. Знаменательно возникновение консультативно-информационных центров, которые распространяют сведения о новоявленных гуру, целителях, контактерах и т.д.

Популярны и примитивизированные восточные верования или их фрагменты, в первую очередь, заимствования из буддизма, индуизма, йоги. Особую роль в адаптации восточных верований к условиям современной России играет рериховское движение. Существующее обычно в форме различного рода клубов и ассоциаций, оно организационно не структурировано.

Важнейший мировоззренческий элемент нынешнего религиозного сознания российских граждан - псевдонаучные идеологии, которые часто легко интегрируются в примитивные идейные конструкции. Вера в НЛО (70% опрошенных), снежного человека, контакты с внеземными цивилизациями - самые заметные из них. Известны всякого рода теории (вернее сказать, поверья) о неких великих ученых, способных изменять мироздание, псевдопсихологические религиозные конструкции, обещающие изменение души или средства достижения безграничной власти над окружающими. Вера в астрологию захватила большую часть общества (более 60% горожан). Достижение "эпохи Водолея" и формирование высшей "расы Водолея" - идеи, легко интерпретирующие и конец света, и личное избранничество.

Сама христианская, православная идейная среда в силу низкого уровня религиозного образования, стихийности нынешнего религиозного возрождения становится питательной почвой для возникновения мировоззренческих представлений, далеко уходящих не только от православия, но и от христианства. Зона религиозной энтропии растет и формируется в устойчивую систему. Эта религиозная культура охватывает в той или иной степени большинство россиян.

Итак, самые общие показатели культурной религиозности (численность считающих себя представителями данного религиозного движения): православные - 75-85 млн., католики - до 1 млн., протестанты - 1,5-1,8 млн., староверы - менее 1,5 млн., христиане всего: 85-95 млн.; мусульмане - 6-9 млн.; иудаисты - до 50 тыс.; буддисты - около 550 тыс.; жестко организованные НРД ("тоталитарные секты") - не более 300 тыс.

Однако культурная религиозность, или религиозная самоидентификация, является мировоззренческой, идеологической позицией, но не религиозностью в прямом смысле этого слова. Самоидентификация не предполагает, что данный человек раз-

деляет соответствующие религиозные верования и следует религиозным практикам.

Собственно уровень религиозности - это численность практикующих верующих, т.е. тех, кто разделяет определенное вероучение, соблюдает предписываемые религиозные практики. Однако число людей, полностью разделяющих вероучение и даже вероучительные истины и исполняющих требуемые практики (совершение молитвы, участие в богослужении, причастие, исповедь), как показывают и опросы, и опыт священнослужителей, ничтожно мало. Поэтому принципиальным становится ответ на вопрос, *каков тот минимум соответствия религиозным требованиям, с которого человека можно считать принадлежащим к религиозному течению?*

В последние годы не утихает дискуссия о том, кого считать православным (с тем же основанием она могла бы развернуться и в отношении католиков, лютеран, членов Армянской апостольской церкви, иудаистов, мусульман, буддистов). Причем, что парадоксально, православные авторы выступают за максимально расширительные критерии православности, тогда как светские, напротив, пишут о том, что такого рода расширение делает само понятие "православный" бессмысленным.

"Мировоззренческую реальность", скрывающуюся за декларируемой верой в Бога, с точки зрения Д. Фурмана, раскрывают следующие ответы: 38% "верующих" представляют Бога как Личность, а 40% - как "жизненную силу"; 45% верят в загробное существование души; 20% - в воскрешение мертвых; 52% - в рай, 46% - в ад; 49% согласились с тем, что "жизнь имеет смысл потому, что есть Бог". Но 30% "верующих" верят в переселение души и 41% - в астрологию (в выборке в целом соответственно 20 и 37%). Посещение церкви не реже раза в месяц, по данным финско-российского исследования 1991 г., зафиксировано на уровне 6%, а в 1996 г. - 7%; среди "верующих" - 18%, По данным 1990-1992 гг. посещаемость церкви составляла 9-10%, среди верующих - 21%.

При анализе результатов опроса 1996 г. была предпринята попытка выделить группу более или менее "серьезных", "настоящих" православных верующих, которых исследователи определили как "традиционных" верующих. Это респонденты, одновременно дающие положительный ответ на вопрос "верите ли вы в Бога" (47% опрошенных), идентифицирующие себя как верующих и как православных (33%), видящие в Боге личность, а не силу (15%), по их словам, часто молящиеся (13%). Таких у Д. Фурмана набралось 4%, причем, если чуть "ужесточить" критерий включения в категорию "традиционных" верующих, она просто исчезла бы из выборки [21, с. 16-24]. Ряд других исследований дают число православных верующих до 10%, но не более.

Наиболее простой, чаще всего используемый в социологической практике на Западе принцип определения принадлежности к церкви, включает один вопрос, касающийся только религиозной практики: "были ли Вы на богослужении в прошлое воскресенье?" Естественно, спрашивают не после Пасхи или Рождества (в США "да" отвечают до 50% опрошенных). В наших опросах его перестали задавать, так как положительных ответов слишком мало. У нас спрашивают: "бываете ли Вы на богослужении раз в месяц или чаще?" На этот вопрос положительных ответов - 5-10%. В наиболее артикулированном виде принципиальное неприятие подобных оценок уровня православной религиозности выразила Ю. Синелина [22]. Ее основные аргументы таковы: народ богословски необразован и поэтому не может свой "правильный" религиозный опыт адекватно отразить в социологических опросах. Исследовательница задается вопросом: сколько бы получилось настоящих православных в дореволюционной России, если бы использовался описанный выше подход. По официальной статистике за 1897 г. в категорию религиозных людей попадали все 100% населения страны. При этом православных было 69,9%.

В то время состояние религиозности определялось не убеждениями людей, а формально-юридической принадлежностью к тому или иному вероисповеданию по

рождению и крещению. Однако есть сведения, что в конце XIX в. достаточно большое число крестьян имело вполне языческие представления о Боге. Библии они не читали, поскольку были в основном неграмотны, да и полный перевод ее на русский язык появился только к 1875 г. Обер-прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев внушал русскому духовенству, что "богословие" не принадлежит к существу "русского православия", русской "простой" и народной веры, ибо "простой народ" спасается без всякого богословия. Вера снижалась до уровня безотчетных чувств и благочестивых настроений. Как отмечает Ю. Синелина, рассмотренные примеры иллюстрируют дефицит знаний в области церковного учения в среде самих социологов, проводящих опросы: понятие веры допускает различные толкования, что приводит к путанице и неопределенности в анализе результатов опросов.

Аргументы Ю. Синелиной и цитируемого ею К. Победоносцева скорее подтверждают, что и до революции Россия была не очень христианской страной. Как ни многозначен личный религиозный опыт православного, но если он ожидает в будущей жизни перерождения, а не суда Божия, если не может выразить в словах веру в живого, страдающего, личного Бога, от любви Которого зависит его спасение, а говорит о влияющей на него космической силе, то трудно понять, в чем состоит его православие.

Более убедительны объяснения относительно низкой регулярности посещения церкви православными в современной России объективными обстоятельствами, прямо не связанными с уровнем религиозности. Ю. Синелина отмечает, что, во-первых, ситуация с количеством функционирующих церквей оставляет желать лучшего. Во-вторых, выросло несколько поколений людей, не знающих, что в воскресенье верующие ходят в церковь: "от посещения храма, а также причастия, исповеди, утреннего и вечернего правила десятилетиями отучали... Одновременно в Европе религиозные традиции не только не прерывались, но во многих странах морально поощрялись" [22]. Согласно подсчетам МВД, даже на пасхальные богослужения в православные храмы в последние годы в крупных городах России приходит от 0,5 до 2% населения [5, с. 40].

Другой исследователь РПЦ Н. Митрохин указывает на обстоятельство, которое должно заставить исследователей не считать всех посещающих богослужение православными. По его мнению, массовость церковным акциям (паломничествам, поклонению привозным святыням - иконам, мощам, - разбору "крещенской воды" и т.д.) придают люди, которые воспринимают православные святыни, требы и таинства чисто магически и не разделяют православной веры, не проявляют к ней никакого интереса [5, с. 39]. Численность этой категории посетителей православных богослужений, наверное, невозможно корректно подсчитать.

Очевидно, что сама православная религиозность современных россиян настолько зыбка и не структурирована - организационно, догматически и идеологически, что любые критерии ее измерения и цифры, полученные на их основе, носят в принципе условный характер. Про большинство "православных верующих" трудно сказать - православные они верующие или нет. Расширяя или сужая строгость критериев, к практикующим православным в России можно отнести от 2 до 10% населения, т.е. от 3 до 15 млн. человек.

Аналогичные сложности возникают и при исчислении практикующих верующих других этнических христианских конфессий и нехристианских религий. Проблема усугубляется тем, что в общероссийскую выборку их представителей попадает слишком мало и исследователи часто не выделяют данные по ним, а если выделяют, то достоверность полученных результатов вызывает сомнения из-за их недостаточной репрезентативности.

Материалы, в первую очередь, региональных опросов об исламской религиозности могут несколько прояснить ситуацию. По данным Р. Мусиной, среди татар-горожан совершают молитву дома 8,4%, посещают мечети 4,3% [23, с. 89]. Согласно ин-

формации, предоставленной уполномоченным Карачаево-Черкесии Е. Кратовым, не более 10% карачаевцев и черкесов - практикующие мусульмане.

Один из самых высоких уровней исламской религиозности социологи фиксируют среди дагестанских народов. Э. Кисриев, исходя из самых строгих критериев исполнения человеком мусульманских обрядов и знания основ Корана, делает вывод о том, что в Дагестане к числу практикующих мусульман относится "только 20 процентов взрослого мусульманского населения Дагестана, или округленно - около 200 тыс. человек" [15]. По данным социологов, при ответах на вопрос "какие вы знаете и насколько соблюдаете пять основных обязанностей мусульманина?", никто из опрошенных студентов махачкалинских вузов не вспомнил о догмате единобожия и закяте (обязательный налог для помощи бедным), только 16% указали намаз (обязательную ежедневно 5-разовую специально установленную молитву), 19,3% вспомнили об уразе (пост) и 1,4% - о хадже (паломничестве в Мекку и Медину) [15]. Очевидно, что практикующих мусульман в Дагестане, которые нерегулярно посещают мечеть и принимают участие в молитвах, намного больше, чем 20% населения республики.

Значительное число представителей кавказских народов в ходе опросов подчеркивало необходимость участия в мусульманских обрядах: чеченцы (36%), аварцы (34%), даргинцы (43%) и ингуши (28%) [16]. Эти цифры не означают, что именно столько "практикующих", так как участвовать время от времени в намазе могут и верующие, которые на словах не придают большого значения "обрядности".

Не имея социологических данных об остальных "исламских", "лютеранских", "католических", "буддистских" народах, обратимся к официальной статистике зарегистрированных религиозных организаций.

По данным Минюста РФ на 1.1. 2004 г. зарегистрировано следующее число местных религиозных организаций [24]. Христиане: православные - 10 767, староверы - 267, католики - 235, Армянская апостольская церковь - 57, протестанты - 4232 (пятидесятники - 1460, баптисты и евангелисты - 1571, АСД, т.е. адвентисты седьмого дня - 620, лютеране - 202); иудаисты - 256; мусульмане - 3397; буддисты - 180.

Если бы представители всех религий имели одинаковые отношения со своими церквями, общинами, приходами, можно было бы арифметическим действием соотнести число практикующих верующих с числом зарегистрированных общин (например, на основе данных опросов о "практикующих" верующих РПЦ и числе приходов РПЦ). Однако характер этих отношений весьма различен. Необходимо учитывать, что религии не одинаково подходят к регистрации своих местных организаций, да и власти без промедления регистрируют одних, но создают проблемы другим.

РПЦ легко и быстро регистрирует свои приходы даже на стадии организации. Число реально функционирующих приходов РПЦ несколько (на 2-5%) меньше, чем их зарегистрировано.

Старообрядцы не считают регистрацию для себя принципиально необходимой. Реальное число старообрядческих общин в 2,5-3 раза больше формального. Правда, преобладающее большинство их малочисленны и состоят из людей пожилого возраста.

Католики часто испытывают затруднения с регистрацией общин. К тому же они иногда не регистрируют общины в селах и небольших городах, если не имеют священника и окормляются регулярно приезжающим священником из большой общины. В 2004 г. в России существовало около 400—450 католических общин (зарегистрированных и незарегистрированных).

У протестантов наибольшее число незарегистрированных общин. С одной стороны, власти не спешат их регистрировать, с другой - некоторые многочисленные протестантские конфессии принципиально отказываются регистрироваться. К их числу относятся Совет церковей евангельских христиан баптистов (почти 2 тыс. общин), пятидесятническая Объединенная церковь христиан веры евангельской (око-

ло 500 общин). Численность функционирующих протестантских общин исчисляется только приблизительно. На наш взгляд, их 8-9 тыс.

Еще сложнее подсчитать существующие **мусульманские** общины. На большей части России общины, входящие в зарегистрированные союзы, легко проходят регистрацию. Два основных мусульманских союза - Совет муфтиев и ЦДУМР, стремясь продемонстрировать большую численность, часто регистрируют общины в небольших населенных пунктах, не имеющих ни имамов, ни помещения для богослужения. На Северном Кавказе власти, опасаящиеся исламского экстремизма, часто отказываются регистрировать мусульманские общины, некоторые из которых, действительно затронутые радикальными идеями, сами не хотят регистрироваться. К тому же патриархальное сельское мусульманское общество часто не видит необходимости в регистрации. Учитывая эти обстоятельства, общее число зарегистрированных и незарегистрированных мусульманских общин можно оценить в 4 тыс.

Иудаистские общины без затруднений проходят регистрацию, списки Минюста отражают реальную численность иудаистских общин - 256.

Количество **буддистов** трудно обозначить потому, что отсутствует представление об обязательной для каждого почитателя Будды религиозной практике. Дхарма-центры обычно не регистрируются. Буддистским религиозным сознанием, согласно этому учению, могут обладать люди, не имеющие связей с общинами. Поэтому судить о численности буддистов на основании количества существующих общин невозможно.

Какие же выводы можно сделать о численности верующих различных религий и конфессий на основании подсчетов существующих "местных религиозных организаций"?

Католическое духовенство в каждом приходе обязательно создает сплоченную общину, хотя в редких случаях они превышают 500 человек (во Владивостоке, Красноярске, Иркутске, Перми, Оренбурге). Всего таких крупных общин в России не больше двадцати. Но большинство их насчитывает от 20 до 200 человек. Если учесть изредка посещающих католические храмы и не являющихся членами общин, "практикующих" католиков получится от 60 до 200 тыс.

Численность **староверов**, у которых крупных, многочисленных общин буквально единицы, а большинство не превышает 50 человек, составляет 50-80 тыс.

Количество "практикующих" **протестантов** напрямую связано с числом зарегистрированных общин, т.к. прихожане протестантских церквей, как правило, не объединены принадлежностью к культурной традиции. Прихожанин евангельской церкви подпадает сразу под несколько критериев отбора - он осознанно исповедует принципы вероучения и посещает богослужения, а также придерживается культурно-политической позиции, связанной с протестантизмом. В большинстве церквей евангельского направления фиксированный состав прихожан. Поэтому по числу церквей можно определить примерное количество прихожан. 8-9 тыс. протестантских церквей, конечно, имеют весьма разную численность - от 20 до 2-5 тыс. чел. Однако утверждение, что "протестантская община в среднем насчитывает порядка 300 человек" [25], близко к истине. Таким образом, численность практикующих протестантов в России может быть приблизительно оценена более чем в 1,5 млн. человек (из них не менее 60% - пятидесятники).

В оценке приверженцев **иудаизма**, безусловно, преобладает фактор самоидентификации со своей национальной верой, который, однако, не предполагает знания основ вероучения, исполнения религиозных обрядов и подчинения определенному духовному руководству. Если следовать рассуждениям раввина П. Гольдшмидта, то около 70 тыс. евреев (30% их общей численности) вовлечены в культурную жизнь еврейских организаций. Что касается тех, кто следует основным правилам и установлениям иудаизма в своей жизни, то их может быть на порядок меньше. Число собственно иудаистов (т.е. евреев не просто связанных с данной религиозно-куль-

турной традицией и организациями ее формирующими, но при этом и верящих в Бога), очевидно, больше - 30-40 тыс.

Численность практикующих **мусульман** целесообразно рассмотреть отдельно по двум регионам - Северному Кавказу и остальной России, т.к. ситуация в этих двух случаях отличается принципиально. Более 2,5 тыс. общин на Северном Кавказе не только в среднем многочисленнее, но и традиция (особенно среди сельского населения) верности мусульманской вере там выражена сильнее. Среди коренного населения Дагестана, Чечни и Ингушетии большинство населения (70-80%) должно быть отнесено к практикующим мусульманам. Для Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи гораздо меньше - 20-30%. Итого на Северном Кавказе мусульман около 2 млн.

В Поволжье и среди татарского и башкирского населения в остальной части России, а также среди эмигрантов-азербайджанцев уровень секуляризации ненамного меньше, чем среди русского населения. Подтверждение тому - данные опросов и, косвенно, данные о численности мусульманских общин. Практикующими мусульманами являются не более 10-15% "этнических мусульман". Итого в России вне Северного Кавказа - около 800 тыс. мусульман.

Численность практикующих верующих, таким образом, составляет: православные - 3-15 млн., староверы - 50-80 тыс., католики 60-200 тыс., протестанты - более 1,5 млн., иудеисты - 30 тыс., мусульмане - не более 2,8 млн., буддисты - не более 500 тыс., авторитарно организованные НРД - не более 300 тыс. человек.

Предпринятая попытка разобраться в реальной численности верующих различных религий современной России показывает, насколько данные опросов, официальной и профессиональной статистики недостаточны для точных и полноценных выводов. Тем не менее, общая картина вырисовывается.

На ее основании можно констатировать, что значение религиозного фактора в светском секуляризованном обществе, в котором вера стала для многих просто культурным символом, относительно невелико. В общественной и политической жизни нашей страны заметны прежде всего лидеры "этнических" религий. Для политиков и религиозных лидеров представление о количестве верующих - это свидетельство влияния христианских церквей, мусульманских или буддистских объединений и т.д. Цифры, которые часто упоминаются в прессе, формируют представление о силе и влиянии самих религиозных лидеров. Поэтому важно понять, что скрывается за громкими заявлениями о "миллионах последователей". Большая часть русских, евреев, тувинцев, татар или адыгейцев осознает свою связь с исторической верой. Однако это ни к чему не обязывает их в религиозном плане. Признание основ верования и посещение богослужений не является основной характеристикой того, кто называет себя верующим традиционной конфессии. Вместе с тем, практикующие верующие, безусловно, присутствуют среди тех, кто идентифицирует себя с исторической религией народа или же следует идеологии, проповедуемой религиозными и политическими лидерами.

Если отвлечься от абстрактных представлений о месте традиционных религий в современной России, следует отметить, что статистика не успевает за ростом протестантских конфессий, а также подъемами и падениями численности новых религиозных движений. Число и влияние одних - прежде всего "сектантов" - бывают резко преувеличенными. Бурный же рост количества и общественного влияния других - протестантов - часто обходят молчанием,

В то же время реальная картина религиозности российского общества после миссионерского бума 1990-х годов способна изменить представления о ценностях, которые на практике исповедуют миллионы жителей России. Понимание характера современной религиозности позволяет разобраться в некоторых важных сторонах социально-политической позиции верующих, принадлежащих к различным религиям. К примеру, место, которое занимают объединения традиционных религий в общест-

веннополитической жизни, не всегда соответствует фактическому влиянию лидеров общин среди тех, кого они называют своими последователями. Российское общество вправе знать, что скрывается за понятием "православные граждане" или "мусульманская умма". Религиозная статистика должна раскрыть для общества реальную социальную, политическую и культурную позицию религиозных объединений и их лидеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данные о национальном составе населения России приводятся на основании официальных итогов Всероссийской переписи населения России 2002 г.: www.perepis2002.ru
2. Благовест-инфо. 2000. № 47.
3. Национальная служба новостей. Интервью недели. 25 дек. 2002 г.
4. Мчедлов М.П. Вера в России в зеркале статистики // НГ-Религии. 17.05.2000.
5. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: НЛЮ, 2004.
6. Старые церкви, новые верующие // Под ред. Каарийнена К и Фурмана Д. М.-СПб.: Летний сад, 2000.
7. Казьмина О.Е. Конфессиональный состав населения России // Народы и религии мира. ИЭА РАН. <http://www.cbook.ru/peoples/index/welcome.shtml>
8. Воронцова Л., Филатов С. Старообрядчество: в поисках потерянного града Китежа // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.-СПб.: Летний сад, 2002.
9. Интерфакс 11 ноября 2004.
10. ВЦИОМ. Пресс-выпуск: 27 июня 2001 года.
11. Известия. 17.10.2001.
12. Полис. 1993. №3.
13. Фурман Д., Каарийнен К. Татары и русские - верующие и неверующие, старые и молодые // Старые церкви, новые верующие...
14. Лягушева С.А. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность. Майкоп: СКНЦ ВШ, 2002.
15. Ханбабаев К.М. Религия и молодежь // Народы Дагестана. 1999. № 3. Цит. по: "Полит.ру": Кисриев Э. Дагестанские мусульмане: опыт структурной типологии и характеристики.
16. Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа / Исламская идентификация. Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001. <http://pubs.carnegie.ru/books/2001/03am>
17. Китинов Б.У. Современные этно-религиозные процессы в Прикаспийском регионе // www.iaas.msu.ru/res/lomo04/relig/kitinov.pdf
18. Воронежская О. Мандала разрушена, песок роздан // Сегодняшняя газета (Красноярск). 22 мая 2004.; См. также: Казьмина О.Е. Цит. соч.
19. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания / Отв. ред. Бурдо М., Филатов СБ. М.: Логос, 2003. Т. II. С. 448.
20. Штерин М. Новые религиозные движения в России 1990-х годов // Старые церкви, новые верующие... С. 161.
21. Каарийнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е гг. // Старые церкви, новые верующие... С. 16-24.
22. См.: Синелина Ю.Ю. О критериях религиозности населения // Социол. исслед. № 7, 2001.
23. Мусина Р. Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Религия и государство в современной России. М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 89.
24. Состав и количество религиозных организаций и представительств иностранных религиозных организаций, содержащихся в реестре Минюста России на 1.1.2004 года // Religare.ru, 06 апреля 2004 года.
25. Благовест-инфо. 29 апреля 2004.